

Самарин Юрий Федорович

Тринадцатый ученик

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84
С17

С17 **Самарин Юрий Федорович**
Тринадцатый ученик / Самарин Юрий Федорович – М.: Книга по Требованию,
2012. – 59 с.

ISBN 978-5-4241-3030-4

ISBN 978-5-4241-3030-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Самарин Юрий
Тринадцатый ученик

Юрий Самарин
Тринадцатый ученик
повесть

Юрий Самарин родился 8 сентября 1961 года в городе Первоуральске Свердловской области. Детство и юность провел в Саранске (Мордовия). Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор пяти книг. Член СП Российской Федерации. Живет в Саранске.

Постоянный автор журнала "Москва".

Майка с жирным черным числом "13" мельтешила у колодца. Это Бармалей не литературный, но в своем роде герой - вышел на оздоровительную процедуру. Доносились звяканье ведра и надрывный свист крутящегося ворота. Чего бы, кажется, желать: дивный майский начинающийся денек, абсолютная свобода и... легкий сверхъестественный намек - привет из прошлого и обещание на будущее. "13", чертова дюжина. Исполать тебе, Паша.

- Знать ничего не хоч.

Паша подгрел в кучу прошлогодние сухие прутья малины, спиленные сучья вишен, подхватил порядочную охапку и понес за калитку. У колодца вечно была сырость, рассыпанный сушняк придется кстати.

- Привет, Бармалей!

- Здоров.

Приземистый, но крепкий мужичонка с огромной, всклокоченной головой, проворно скинув майку и штаны, охлопывал себя по волосатой груди и ногам. На краю колодца "остывало" ведро. Бармалей подрабатывал в пристанционном магазине грузчиком, важно ходил в сером мешковатом халате и развлекал покупателей ядреными репликами. Однако главный смысл его жизни составляли всяческие приключения и авантюры, непрестанно кипевшие в большой не по росту голове. За них он и заслужил свое прозвище, за них неоднократно бывал бит и справедливо преследуем потерпевшими. Но, очевидно, неистощимая натура требовала дани, и Бармалей не жил - развлекался. Не более двух недель назад, позаимствовав у Вали-продавщицы белый халат, нарядился ветеринаром и на велосипеде отправился в глухую деревушку в соседнем районе. Обрадованные бабки повели его по хлевам и сараям. Бармалей держался солидно и неприступно, советы давал дельные, но отвлеченные и уже готовился принять законную мзду, как вдруг на тракторе подъехал сын какой-то из бабок, случайно узнавший его. Авантюрист был разоблачен и крепко побит.

Неудавшийся Айболит лечит теперь синяки обливанием. Лиловые разводы побледнели и впрямь на диво быстро - то ли колодезная целебная водица помогла, то ли легкомыслие.

- Запатентую, Паша, метод, разбогатею и коттедж себе поставлю. Приходи в гости.

Тут Бармалей ахнул, опрокинув на себя ведро, фыркнул, захохотал и еще радостней засиял глазами.

- Смотри не обмани. Приду. - Паша тоже засмеялся.

Как чудесна, как хороша жизнь! Лето только подступает, сады еще не цвели, но вот-вот... И во всем ожидание и тонкая, едва слышная радость. Есть даже деньги на пару-тройку месяцев: Паша удачно продал пейзаж через своего приятеля и написал заказной портрет. Так что можно просто жить в фамильной из-

бушке, не думая ни о чем.

Бац! - звонко ударил о пустое ведро камень, и, пошатнувшись, оно свалилось в колодец.

- Стервец! Гад! Найду - убью! - пообещал Бармалей со страстью и погрозил кулаком в сторону недостроенного кирпичного здания, вытянутого вдоль железнодорожных путей и зиявшего пустыми оконницами. Когда еще предполагались некие перспективы, там должны были поместиться медпункт и библиотека. Но нынче "громадьё планов" аннулировалось, все, что можно было отодрать и отколупать, растащили, а каменный остов стоял памятником погибшим надеждам.

Где-то среди голых стен и скрывался злоумышленник, впрочем, превосходно всем известный.

- Митька, - сказала тетя Нюра, Пашина соседка по усадьбе слева, подходя к колодцу, - милиция по нему плачет.

- "Милиция"!.. - донесся саркастический вопль из-за плотно сбитого дощатого забора. - мальчишка без железной матери растет, - запричитали дальше, - чуть не потонул из-за сглазу. Мало вас, ведьмачих, палили.

- Чего? - задыхнулась тетя Нюра.

- Кошку давай! - заорал Бармалей, и Танька Мурманчиха без возражений понеслась к сараю за железным тройным крюком, именуемым "кошкой", потому что внук ее Димка, пулявший камнями из укрытия, достал уже всех в деревне и она опасалась справедливого возмездия.

Димка был сослан сюда, к бабке, из Мурманска, где действительно торговые мамка с папкой не имели ни времени, ни сил расправляться с отпрыском, то и дело навешавшим отделение милиции. Шустрый мальчонка ссылку свою (уже полтора года) отбывал весело и был дружно ненавидим всем местным населением.

- Чего это она так тебя, тетя Нюр?

- Я ни при чем, - забормотала тетя Нюра, придвигаясь к Пашке и хватая его за пуговицу рубахи, - он мне прошлым летом все цветы перемял - я только глянула на него. А он чуть не утоп. В водорослях запутался посередке пруда.

- Все в курсе, - добавил Бармалей, - он там рыдал и орал, пока детский круг не догадались бросить.

- Ведьма! - выкрикнула Мурманчиха, перебрасывая металлическую "кошку" через забор.

- Еще, бывает, на воде смотрят, - встрял Семен, неслышно подкравшийся сзади. На спине его горбом торчала пустая корзина.

Совсем недавно Семен бросил пить. Причем удивительным и чудесным было то, что опомнился он как-то вдруг и сам по себе. Так он и повествовал: лежу, говорит, в доме - пусто. Пропил все. Конец. С этого момента и начал Семен новую жизнь. Устроился на кирпичный заводик (на работу надо было ходить пешком километров семь) и принялся по-новому и даже со вкусом обустриваться в новой, трезвой реальности. Занялся травяным и грибным промыслом, все выходные пропадал в лесах, набирая полную корзину в самое засушливое время. Вот и нынче нацелился на ранние весенние строчки и сморчки. Сам питался скудно, ориентируясь на подножный корм, а потому сумел приодеться - купил джинсовый костюм и кеды. Так что и весь облик Семена преобразился, и сам он ужасно заужавал себя за обнаружившуюся столь внезапно силу воли, частенько останав-

ливался на выходе из деревни у порушенной и разграбленной лесопилки, с тайным удовлетворением читая и перечитывая сохранившуюся на одной створке ворот надпись: "Трезвость должна стать не просто нормой, а образом жизни". А коль уж уникальная воля обнаружилась, наверняка и ум прятался внутри недюжинный, и Семен поверил: "не будь водки - академиком стал бы!" И страстно полюбил он теперь ученую, интеллигентную беседу.

- На воде смотрят. И энергии призывают. Находят воров. Извлекают из ничего предметы.

"Однако из inferнального болота не выбраться. Когда ж я найду себе тихий, молчаливый уголок?" - подумал Паша и, словно кто дернул его за язык, произнес:

- А я, Семен, таких людей знал!

- Ну?!

Общее восторженное внимание обратилось на Пашу: Бармалей, красный и уже озлившийся (ведро никак не удавалось зацепить), тетя Нюра, Семен. Позади обозначились новые действующие лица.

Баба Груша, хохлушка, с плетеной сеточкой бежит продавать дачникам сметанку и творожок. Домик ее аккуратный, издали заметен и радует глаз герани, все в цветных гроздьях, на подоконниках. Баба Груша - трудяга и знаток грибных мест. Семен обхаживал ее, выпрашивал тайные тропки. А она выдаст маршрут, будешь, следуя инструкциям, искать - придешь пустым, а баба Груша по тем же овражкам пробежится - ведро белянок засолит.

Виктория Федоровна, статная пожилая москвичка, спешит на почту за газетами, притормозила тоже. Купила дом здесь, в Любавино, пару лет назад, живет с дочерью и внучкой. Дочь Жанна, всегда слабая здоровьем, тяжело перенесла роды, получила шок и тронулась умом. Болезнь прогрессировала. В надежде на чудо и по совету докторов и пребывала эта трагическая семья в деревне.

Еще присоединились два брата, жившие вдвоем, "без баб", в доме из вечных, просмоленных шпал. Оба были странные, друг друга недолюбливали, нещадно ссорились, но так и брели по жизни цугом: Юрка, младший, за Вовкой, старшим. Вот и сейчас они стояли, тихо бранясь, с цветными полиэтиленовыми ведрами наизготовку.

Неосторожная реплика Паши на мгновение поместила его в центр внимания, и он тут же пожалел об этом.

Бармалей, потный от бесплодных потуг, подняв вверх указательный палец, изрек:

- Главное в жизни - сноровка! Помни, Паша, и, пока молодой, учись!

- Главное - здоровье! - нахмурилась Виктория Федоровна.

- Жениться тебе пора, - сказала тетя Нюра, а баба Груша согласно кивнула.

- От ведьмачих подальше держись! - выдала незримая Мурманчиха из-за забора.

- От водки, главное, - добавил Семен назидательно.

- И от баб! - выдал Юрка, а Вовка кивнул.

- Спасибо. - Паша склонился в шутовском поклоне. Не оставляло его чувство, что деревенские обитатели разыгрывают, словно по нотам, сцену у колодца. "Ну что ж, подыграем!" - Я обдумую ваши предложения.

- Неча там долго думать, - отозвался Бармалей, - руби плеча.

Свистнул, подкатывая к полустанку, почтово-багажный из трех вагонов, отъехала створка двери, тючок с газетами шмякнулся оземь. Виктория Федорова на устремила на почте за добычей. Все засуетились, как бы одернутые строгим наблюдателем, время-то идет... Потянулись с наполненными ведрами домой два брата ("дегенерата" - отыскалась нужная рифма).

- Есть! - крикнул Бармалей, извлекая ведро.

Танька Мурманчиха, прихватив переброшенную обратно "кошку", скрылась в сарае. Воодушевленный Бармалей с удвоенной энергией вытаскивал ведром новые порции воды, с досадой выплескивая муть и желая добиться кристальной чистоты. Да еще тетя Нюра курсировала от живительного источника к дому, наполняя гигантскую бочку у крыльца. И только Паша - "свободный художник", и в смысле профессиональной принадлежности, и в смысле жизненной позиции, погрузился в нирвану.

Благословенное тепло разливалось над землей, плескала вода из ведер, и все было исполнено смысла, и мира, и цели. Паша так долго ждал, когда же воцарится мир в его измученной, потревоженной, поколебленной душе. Может быть, и ни к чему так возиться и нянчиться с собственной душой - обузой... "Хочу наконец жить вольно, вольно и бездумно... Закатиться с Бармалеем в какую-нибудь авантюру. Вскопать огород, потом собрать урожай и опять вступить в этот круг общего, принудительного смысла жизни, из которого так легкомысленно вышагнул - всего семь лет назад. Вечность пролетела. А как физически больно вращаться в родные места заново, где каждый шаг разверзает бездны прошлого! Как здорово было все это покидать, отправляясь в город, в художественное училище, окунаясь в иную, богемную действительность!" И меньше всего способен был Паша осуждать сейчас мать, которая тоже всю жизнь уезжала, и, конечно, ясно словно Божий день, что вот эти-то горько-сладкие миги и волновали ее, и прельщали, и давали ощущение остроты. Уезжаю рвется нить, рвется душа в неизведанное и тут же стремится обратно - в родимый дом, где бабка и сын, и болит, болит, томится неизвестный дух в тебе. "Мама - проводница", - гордо говорил Паша сверстникам и хвастался в школе диковинными, нездешними подарками и открытками с видами других городов.

Однажды мать не вернулась из поездки, и напрасно баба Маша ставила свечи, заказывала в соседнем селе молебны и пыталась искать дочку, прочно заплутавшую в переплетении железнодорожных путей. Как-то осенью явилась женщина, представилась товаркой матери, сообщила кратко: "Жива. Не ищите" и, просяив напоследок ясными, небесными очами, растворилась в небытии. Бабка не позволила себе ни слез, ни стонов, ни жалоб. "Значит, все", обрезала, и двенадцатилетний Паша тоже решил для себя: табу, молчок. Слишком больно. Но этой весной, возвратившись в родной дом, может быть просто на побывку, он радовался боли: ведь боль говорит о том, что сердце не закаменело, оно живо. А могло бы, могло бы закаменеть, потому что жестокость и смерть обступали со всех сторон.

А между тем кто-то присел рядом на скамейку... Паша открыл глаза и вздрогнул от горящего, ненавидящего взора. Молодое, красивое лицо, искаженное гримасой патологической ненависти.

- Я тебя сплню.

- Господи! - выдохнул он. - Жанна!

Усилием воли сдержался, чтобы не дать стрекача, а в висках колотилось: "боюсь, боюсь сумасшедших!"

- Уйди прочь, - процедил сквозь зубы, не владея собой, трясясь в ответной ненависти.

Подкралась-то как неслышно, словно бесплотный дух, и красивая, красивая какая, если б не эта болезненность в чертах, не эта потусторонняя лихорадка, сжигающая ее.

- Ну, ну, детка, пойдем. - Виктория Федоровна с газетами под мышкой мгновенно оценила ситуацию и, обняв за плечи, повела дочку в проулок.

Да, день, начавшийся под знаком "чертовой дюжины", триумфально звучал в том же ключе. И Бармалей, заведенный упрямым сказителем, все крутился на переднем плане, сверкая фирменным штампом - "13".

- Выкинь ты эту футболку ради Бога. Раздражает.

- Нервишки. Меньше думай, чаще обливайся, - обрадовался вниманию поборник здорового и занимательного образа жизни и уже, видать, готовился развернуть перед Пашей панораму светлого бытия, как вдруг поперхнулся и усталился на дороге.

Выходил явный перебор. Бес всегда смеется и нагло передергивает карты, выбрасывая изумленным партнерам одни козыри. Картина обозначилась следующая. в проулок удаляется Виктория Федоровна с Жанной, а от зеленого вокзальчика идет Сашок - местный юродивый, ужасно раскормленный, в мешковатых штанах, держит в руке тонкий хлыстик. Идет он по дороге, выложенной бетонными плитами, будто тянется за Жанной, хлыстиком своим помахивает и твердит сквозь слюнявую улыбку дебильную присказку: "Ись, ись! Ись, ись!"

Что же произошло за несколько лет с деревней? Или он, Паша, погруженный в себя, не замечал этого прежде, или всеобщие чудачества перемахнули вдруг допустимую грань? И отчего он так ясно видит это?

Собственно говоря, соображения по поводу текущего момента Сашка не касались. Сколько Паша себя помнил, столько бродил тот с хлыстиком по деревне, признавая любую встречную женщину за мать: "Ись, ись, мамка!" Родная его матушка, кассирша на станции, всегда в железнодорожной тужурке и платочке, давно смирилась со своей бедой. А вот муж ее помер рано. "Не вынес", - толковали односельчане. Сашок родился нормальным, но с трехлетнего примерно возраста стала замечаться заторможенность, а затем развитие остановилось без видимых причин и рассудок, будто испугавшись открывающейся жизни, канул в младенчество. В тот год Паша как раз и появился на свет. Глядя на ненормального, он вспомнил об этом насмешливом совпадении и поежился.

Внезапно Бармалей хихикнул и, должно быть, тоже пораженный нагромождением дурновкусия, тыча то в спину Жанны, то на приближающегося Сашка, ляпнул:

- Дуракова невеста!

Как ни жестоко, ни пошло, ни грубо это звучало, нельзя было не признать, что налицо всего-навсего констатация факта. Да, без сомнения, оттенок дурного и грубого смеха присутствовал здесь. Но, закрученный в воронку происходящего, Паша заметил девочку, в самое это неподходящее мгновение выглянувшую из проулка. Обыкновенная - крепкая, румяная деревенская девочка, растущая на парном молоке и свежих овощах, - дочка безумной Жанны.

- Заткнись! - Паша вскочил со скамьи.

Но апогей миновал. Девочка исчезла, зато появилась тетя Нюра и резко отчитала Бармалей:

- Дурак - а тебе не чета! Он же дитё! - и пошла навстречу Сашку.

- Ись, ись! Мамка.

- Жрать просит, - пояснил отчего-то устыженный Бармалей.

- Ись, ись!

- На-ка, на-ка хлебушка! - тетя Нюра извлекла из кармана сухарь, и Паша подивился на ее преобразившееся, ласковое, просветленное обличье.

Он заставил себя встать, приблизиться, заглянуть через плечо старухи в бессмысленно-голубые глаза идиота. Тот улыбнулся и выдал свое коронное "Ись, ись!".

- Хватит, ненажора! - наставительно произнесла тетя Нюра, а Паша положил себе за правило иметь в кармане сухарик или карамельку - для угощения.

В дебрях сада - рай, тишь да покой, ласкает глаз зелень. Чудесно вот так прилечь, облокотившись о ствол старой, разлогой яблони. Спрятаться, забиться в укромный уголок и исподтишка, из кущей, из зарослей, наблюдать жизнь. Что ж, поглядим, как она развернется от ветхозаветного древа! жизнь, омраченная вырождением. Вздохнуть поглубже, расслабиться, поглядеть в небо... О каком мраке идет речь, когда сияет день и душа задыхается от восторга, созерцая творение? Аукается прошлое: он, пацан, в саду во власти детских, беспечных игр и грез, а в доме - баба Маша и томятся на противне пироги - ведь май, праздники; и мать стирает на табурете у крыльца в белом эмалированном тазу: "Паша, сынок, сгоняй за водой!" Но их нет. В доме пусто, а вся ответственность за род Алехиных лежит на Паше, свободном (от чего?) художнике. И на пригреве достает его ледяной сквознячок смерти, а вперед он не смеет шагнуть, боясь ошибиться.

"Господи! Как мне развращенным моим, раздерганным умом объять мир, а на меньшее... на меньшее я не согласен. И вечно претендую иметь сотворенную Тобой жизнь в качестве материала. Ну не смешно ли это, не смешно ли - тень дегенерации легла на родную деревню и впору классифицировать чудиков, дебилов и безнадежных помешанных и вывешивать таблички: "Паноптикум"? В котором ряду мое место?"

Паша прикрыл глаза, переживая радужную рябь, мысленно разглядывая уже возникшую картину, коллективный портрет: Бармалей - под тринадцатым номером, как дирижер, впереди, Юрка с Вовкой, Жанна и Сашок. На небе облачко, а его след - теневая прозрачная пелена накинута на лица, зато вокруг все ослепительно освещено. "Почти Глазунов, - усмехнулся про себя, бездна символизма, глобальное осмысление эпохи. А на деле - сугубый материализм. Но благо ли творчество - чтоб, призывая его, радоваться? Кто творит в тебе? Ведь ты-то сам прекрасно знаешь, что оно больше тебя и все твои видения-откровения имеют один источник, ту самую заповедную дорожку в подсознание, протоптанную экстрасенсами. И как ни зачурайся - зияет ход! Но я и до них рисовал! Кто подсказывал замыслы и расставлял акценты тогда? Господи, помоги!"

Паша сел, тряхнул головой: "прочь, мысли! Как же можно так жить?"

- Катя моя, Катя, - отозвался ему надтреснутый, старушечий голос.

Полуслепая баба Женя ползла сквозь заросли вдоль межи, отыскивая козочку.

- Катя, Катя... - она приближалась, держа курс на белую Пашину футболку, подразумевая под ней свою любимицу. - Катя, Катя...

- Это я, баб Жень. Сосед.

- Опять на меже. Я тебя, ирода, проучу.

Пришлось выбираться из зарослей под яростные вопли.

- Все повырублю, чтоб на мою землю не зарился! У меня справка есть. Мне ничего не будет.

- Баб Жень, на кой тебе столько земли, - со свирепой вкрадчивостью произнес Паша, она в конце концов достала его, - больше двух метров тебе ни к чему. Да и то не здесь.

- Ах ты, байстрюк, подзаборник! Счас топор возьму!

Суть заключалась в том, что забор между двумя усадьбами приказал долго жить, на память о себе оставив ямы и полусгнившие слепи вдоль границы. Хозяйственная баба жень слепи пустила в печь, ямы засыпала и теперь утверждала, что сосед таскает малину, сливы и свежий лучок с ее территории. Угодья свои Паша отстаивал из принципа: эти самые пущи берегли его детские укрытия, его секреты и заставы. Тут он решил стоять насмерть.

- Насмерть, чертова бабка! - выкрикнул он, оборотясь к бушующей старухе, а та вдруг резко смолкла, приложила руку к груди, охнула и потащилась к избе.

"Кондрашка хватит, вот тебе и будет смерть!"

- Владей, баба Жень, забирай! Мне все это поперек горла! Я больше сюда ни ногой!

Распаленный, Паша понесся прочь из сада. По другую сторону штакетника прямо под низким окном возилась тетя Нюра, рыхля землю вокруг выпустивших ярко-зеленые стрелки нарциссов.

- Как мои цветочки у тебя хорошо прижились, - не сдержался Паша и тут же пожалел об этом.

- Да, люблю я их, - без тени смущения сказала непробиваемая тетя Нюра, взглянув кротко, светло.

Она имела цыганскую натуру - слабую до чужого, не могла пройти равнодушно мимо бесхозной, как ей чудилось, вещи. Постепенно все многолетние цветочки из соседского палисадника перекочевали к ней, большая бочка перед ее крыльцом прежде стояла на задах Пашиной усадьбы, козлы для пилки дров, вероятно, сами собой ускакали из его сарая в ее.

- Нечего зря пропадать, - говорила она ласково, убежденно, и хозяйственная утварь, казалось, сама увязывается за ее ситцевым линиялым подолом, чтоб обрести настоящее место и сгодиться на дело.

Внутренне Паша соглашался с этим. У него действительно никогда не будет так ладно и кстати: чтоб и дырявый горшок сгодился, и ржавый противень. Все у него пропадает, прахом идет, все - зря... И на тетю Нюру сердиться нечего - она взять возьмет, но если спросишь - безропотно отдаст, да и вообще - последнее отдаст, если нужда. И сколько перелопатила она корявыми своими руками, вконец изуродованными работой! Даже на лесоповале принудительную повинность отбывала. Дочку Светлану народила, да бес радоваться не дал: от рождения у девочки одна ножка короче другой оказалась. Света начальную школу окончила в Любавино, а в соседнее село тетя Нюра ее зимой на санках возила, а в грязь - на себе. Дочка выросла, заневестилась. Однажды появился на станции загуляв-

ший дембель, увез дочку с собой. Потом - сгинул по тюрьмам, а Светлана очутилась в подмосковном захолустье, в рабочем общежитии, и тоже - с дочкой. "Любой зовут", повествовала тетя Нюра. Светлана бедствовала, но в деревню не возвращалась из гордости. Работала на дому швеей, а матушка содержала огромный огород и к концу лета передавала с почтово-багажным мешки с картошкой-морковкой, корзины с яблоками. По осени резала поросенка и ехала сама. Трудилась как заводная, и Паша, восхищавшийся жизненной энергией, последний взялся бы ее осуждать.

- Теть Нюр, у меня тут гвоздочки на завалинке лежали, калитку хочу поправить.

- Ага, ага. - она сунула грузную пятерню в карман безразмерного клеенчатого фартука и извлекла горсть гвоздей.

- Примагнитились, а, тетя Нюр? Не зря тебя Мурманчиха ведьмой кличет. Небось с моей бабкой по молодости ворожили вовсю. Глаз у тебя до сих пор огневой.

- Смех твой - не от ума, Паша. Я, может, свою жизнь наперед знала. И твою угадать могу.

"Интересно, почему от этих тайн всегда холодом подземным тащит могилкой?.."

- Меня, тетя Нюр, на мякине не проведешь. Я буквально лично, вот как с тобой, с духами из космоса... Только гуманоидов не видел, не лицезрел, так сказать...

- Кого?

- Зеленых человечков. Ну, может, и сподоблюсь. У меня ведь все впереди. Только наследственность позади - скверная.

- Бабка твоя, царствие небесное, хорошая женщина была. И мать тоже, обрехала тетя Нюра.

Паша почувствовал, что он любит эту старуху и желает ей жить как можно дольше, без нее деревня осиротеет.

- Не слушай меня, тетя Нюр, я - дурак.

- А я, Павлуша, сынок, письмо получила. Племянницу жду, учительницу. По распределению едет.

- Да у нас же учить некого, - засмеялся Паша.

А тетя Нюра озабоченно забормотала:

- Картошки больше посажу. И лука. Молодая она, справимся.

Она рассеянно скользнула взглядом по скамье под безрезкой и расшатанному столу, по куче палой листвы и прошлогоднего еще мусора прямо на дорожке, которую Паша собирался всю перетаскать за калитку, да бросил пустой, ленивый, расслабленный человек. Тетя Нюра скрылась за углом ухоженного своего, покрашенного домишка, а Паша, вновь провалившись в счастливую, беспмятную нирвану, стоял, опершись о березу, чувствуя, что безделье это и покой нужны ему, необходимы и, может быть, так, в унисон движению живых соков в березе, идет исцеление больной его, измученной подземными тайнами души...

Очнулся он от слабого, горьковатого запаха дыма и голоса Бармалея:

- Ты, Паш, аккуратней кури! Сушь!

Бармалей расшлепанным кедом извлек из кучи и растер тлеющий сучок. Паша изумленно уставился на сухую веточку, источавшую бледный дымок, потом